

Посвящается моей семье

Жизнь вышла из моря, несомненно.
Когда время разлучает нас, пожалуйста,
Торжествуя смейтесь и зовите это прихотью
волн.

Хаолунь Сюй
*«Перевернутый такаяки»**
(Как расприготовить осьминога)»

* *Такояки* — популярное японское блюдо, шарики из жидкого теста с начинкой из отварного осьминога и других ингредиентов.

Глава 1

Настоящее время

Этим утром Долорес снова посинела. Так она сигнализировала о своей готовности к спариванию, о стремлении взобраться на камни и кораллы аквариума и прижаться к самцу осьминога, который введет свой гектокотиль* в ее мантийную полость, где оставит обломок лигулы со сперматофорами, после чего она, наконец, будет готова отложить яйца. К несчастью для Долорес, поблизости нет осьминогахолостяка, готового стать отцом ее осиротевших яиц; поэтому, когда ее глаза становятся молочно-голубыми, почти перламутровыми, — что, как я знаю, означает жажду любви, — никто кроме меня этого не видит.

Долорес может стать плоской, как блин, или раздуться, как гриб; а когда она проталкивает себя через тысячу

* *Гектокотиль* — щупальце головоногих моллюсков, при помощи которого самец переносит сперматофоры из своей мантийной полости в мантийную полость самки.

галлонов* воды в резервуаре, пузырьки воздуха танцуют вокруг, будто смеясь вместе с ней. Когда она размахивает щупальцами в чистой темной воде, то становится похожа на бурю из лент. Она может быть капризной, что свойственно пожилым леди, но ей нравится наблюдать, когда я прихожу с ведром, полным креветок и рыбы для нее. Я могла бы поклясться, что иногда она приветственно машет мне тентаклем.

Итак, сегодня, когда я пожелала ей доброго утра и рассказала, какая погода на улице, она в ответ поси-нела, не успела я и глазом моргнуть.

— Мы с тобой в одной лодке, Ло, — вздохнула я, прежде чем включить радио и взяться за мытье пола.

Было восемь утра, и в мои планы не входило сочувствовать жаждущему спаривания существу, когда у меня самой не было секса уже несколько месяцев.

Знаю, сама виновата. Когда Тэ ушел, я пыталась справиться, но не справлялась вообще. Со мной и раньше расставались, но впервые по причине того, что парень, о котором идет речь, решил покинуть планету.

Тэ никогда не нравилась моя работа в океанариуме. Он не мог понять, с какой целью я, как он выражался, «привязала себя к тонущему кораблю». Зная Тэ, можно было предполагать, что он сказал так не ради каламбура. И это правда, в последнее время к нам приходит не так уж много посетителей — особенно в связи с тем, что все больше и больше животных выкупают богатые инвесторы, которые хотят иметь возможность поглазеть на гигантскую морскую черепаху, находящуюся под угрозой вымирания, через стекло собственного домашнего аква-

* 1 галлон равен 4,55 литра.

риума. В межсезонье выставочный зал иногда кажется призрачным, похожим на заброшенную карнавальную площадку.

Но Долорес все еще здесь. Она была одной из жемчужин коллекции океанариума еще тогда, когда я была ребенком и прижималась носом к стеклу, чтобы любоваться мерцанием ее тела. Вероятно, она являлась одним из старейших гигантских тихоокеанских осьминогов в мире.

«Только взгляни на ее размеры! — восклицал Апа. — Ну разве она не красавица?» Он был морским биологом и консультантом океанариума, в обязанности которого входило следить за тем, чтобы в аквариумах создавались условия, максимально приближенные к естественной среде обитания тех или иных существ. Умма всегда говорила, на самом деле не шутя, что не удивилась бы, брось он ее когда-нибудь ради Долорес.

В зал деловитой походкой входит мой менеджер Карл; на его волосах толстый слой геля для укладки. Долорес тут же становится чернильно-черной и скрывается из виду. Я не виню ее. Карл из тех парней, которые думают, что все вокруг рады их видеть, и всегда говорят так, словно на них наушники. Он довольно безобиден, но все же чрезвычайно раздражает.

— Доброе утро, дамы! — здоровается он; от него тянет нездоровой доброжелательностью, возникшей под действием кофеина.

— Доброе утро, Карл, — бубню я, не отрываясь от уборки.

Он хлопает ладонью по стеклу, словно по боку крупного животного, и я вижу, как в мутной воде открывается один из двух огромных глаз Долорес; горизонтальный

зрачок расширяется, следит за движением его мясистой розовой руки, но Карл ее не видит.

— Шерил сегодня не будет, а у Франсин экскурсия. Не сочтешь за труд взять на себя уборку в приливных бассейнах*, Ро?

Я открываю рот, чтобы отказаться, и он спешит добавить:

— Возможно, после этого у тебя появится лишний выходной. Я бы сделал это сам, но не могу сегодня задержаться допоздна.

— Страстное свидание? — интересуюсь я, и тут же жалею о сказанном, потому что улыбку, расплывшуюся на лице Карла, можно было трактовать только одним образом: ему есть что сказать, и он не отпустит меня, пока я его не выслушаю.

— Ее зовут Кристина. Поскольку это наше первое свидание, я подумал, что мы...

— Хорошо, — произношу я, хотя в голове крутится «Просто перестань разговаривать со мной, пожалуйста».

Раньше выходные что-то значили для меня, когда Тэ еще был рядом и у меня была жизнь помимо работы. Раньше мы планировали поездки на выходные в города, которые выбирали наугад — либо в северной части штата Нью-Йорк, либо в Южном Джерси. Тэ всегда заботился обо всех логистических деталях, но именно я планировала, какие местные достопримечательности или музеи мы посетим. Однажды мы любовались коллекцией деревянных сабо, которую нашли в городке, попавшемся нам на пути к Гудзону. Тэ нравились наши

* *Приливные бассейны* — искусственные водохранилища в океанариумах, в которых посетители могут контактировать с морскими обитателями.

путешествия, нравилась моя склонность искать нечто странное. «С тобой я смогу увидеть мир во всей красе», — произнес он однажды после того, как я заставила его пойти на концерт джаг-бэнда*, выступавшего за пределами Олбани, в котором музыку исполняли аниматронные белки**.

Но кто сказал, что я не могу путешествовать в одиночку и теперь, когда Тэ ушел, не отправлюсь куда-нибудь в пустыню Аризоны? С последнего отпуска прошло несколько месяцев.

Карл удивлен моим безропотным согласием.

— Супер! — громыхает он. — Посмотрим, сможешь ли ты уговорить Долорес выйти и поздороваться позже днем, когда состоится экскурсия. Дети всегда любили ее.

Словно в ответ Долорес машет бледным щупальцем в его сторону, что заставляет его испуганно вскрикнуть. Я подавляю смех при мысли, что кто-то сможет заставить Долорес делать то, чего она не хочет.

Долорес примерно от восемнадцати до двадцати пяти лет, так что технически она моложе меня, но по стандартам морских обитателей ее уже можно считать пожилой.

* *Джаг-бэнд* (от англ. *jug* — кувшин, сосуд) — музыкальный коллектив, исполняющий экспериментальную музыку. Часто музыканты играют на простых, иногда самодельных инструментах, например, на стиральных досках, казу, варгане и джаге.

** *Аниматроника* (от англ. *animate* — оживлять и *electronics* — электроника) — механизм, имитирующий движения живого существа.

Помимо того, что она является одним из последних известных гигантских тихоокеанских осьминогов в мире, она пользуется повышенным вниманием, поскольку родилась в одной из самых загрязненных зон наших перегреваемых океанов, в Беринговой Воронке, где пятнадцать лет назад исчез мой отец во время, как предполагалось, обычной исследовательской миссии.

Я сохранила и изучила практически все известные фотографии Воронки. Я делала заметки о ее водах, переливающихся красным, зеленым и фиолетовым из-за токсинов и утечек с нефтеперерабатывающих заводов на Аляске. Я представляла, как сама отправлюсь туда на поиски своего отца.

Официально он значится в списках как «пропавший без вести, предположительно погибший». Хотя я не знаю, насколько правдива последняя часть. Иногда мне звонят с неизвестных номеров или номеров, коды города которых мне неизвестны, и когда я беру трубку, клянусь, я слышу шум волн, брызги и рев, или дыхание, или сдавленный голос, стремящийся прорваться сквозь помехи. Когда я впервые рассказала Умме о звонках, она заверила меня, что это просто извращенцы или спам, но я не могу отделаться от мысли, что это может быть Апа. Что где-то там он, возможно, все еще пытается найти дорогу назад, и что звонки — его единственный способ проверить, все ли в порядке. Дать мне знать, что он думает обо мне, где бы он ни был.

Берингова Воронка не входит в маршрут ни одного из круизов по Аляске. Единственные ее посетители — экоактивисты и исследователи. Существа, которым удалось там выжить, мутировать и произвести потомство, которому они передали свой безвозвратно измененный

за последние несколько десятилетий генетический материал, имеют библейские размеры и формы, и их трудно увидеть или поймать. Все климатологи и морские биологи как один стремятся посетить Воронку, надеясь встретить их, получить шанс узнать, что позволяет им продолжать жить в таких суровых условиях.

Когда Долорес поймали, она была около четырех с половиной метров в длину и все еще росла; она оказалась достаточно сильной и умной, чтобы ученым пришлось закрыть ее аквариум железной крышкой. Теперь в ней уже больше шести метров, а ее круглые, озорные глаза размером походили на школьные глобусы — такие я, будучи ребенком, раскручивала и тыкала в них пальцем, пытаюсь угадать, куда попаду, когда вращение прекратится.

«Женщинам в нашей семье всегда не везло с мужчинами», — заявила Умма, когда я рассказала ей, что Тэ расстался со мной. В качестве примеров этого рокового невезения она привела безвременную смерть моего дедушки, оставившую бабушку вдовой в возрасте тридцати двух лет, а также тот факт, что ее младшая сестра так и не смогла найти мужа. Умма была не из тех матерей, кто причитали о том, что дети почти никогда не звонят домой и не навещают их, или строили из себя подружек, заговорщически шепча «между нами, девочками». Но время от времени она выступала с такими заявлениями, которые заставляли меня понять, что где-то под ее привычной маской холодной уравновешенности и неодобрения скрывается человек с живыми чувствами.

Умме действительно нравился Тэ, она не могла поверить, что ее дочь наконец-то нашла себе парня, который оказался не только корейцем, но и умным симпатягой с настоящей работой. В некотором смысле он очеловечил меня в ее глазах, превратил в девушку, которую она наконец-то смогла начать понимать. Раньше я никого не приводила к ней домой, так что, вполне возможно, она думает, будто он был первым человеком, с которым я начала встречаться и заниматься сексом. Умма никогда не рассказывала мне о сексе, и когда я была ребенком, я представляла, что, должно быть, родилась из морской пены, из крошечной жемчужины, выброшенной на берег, которую они с Апой однажды подобрали.

Тэ не должен был оказаться на миссии «Дуга-4». Он был всего лишь одним из тысяч добровольцев в списке ожидавших результатов лотереи, которая определяла, кто присоединится к команде на долгие годы полета к Марсу в полной темноте, чтобы построить первую человеческую колонию на Красной планете. Я не восприняла его интерес всерьез, окрестив это глупой фантазией, которые всегда бывают у мальчиков с научным складом ума, — о том, как они спасают мир, покидая его.

— И что, если тебя выберут, ты отправишься на Марс? — скептически спросила я, когда он впервые сказал мне, что зарегистрировался в лотерее.

Он покачал головой.

— Это не так работает, — ответил он. — Я должен пройти отбор, затем сдать тесты на физическую форму и умственные способности, а затем предстоит пройти программу тренировок в Аризоне. Симуляцию, которая определит, сможем ли мы выдержать это путешествие.

К тому времени, когда он начал рассказывать о целях и задачах программы, а также о категориях людей, которых они искали (очевидно, существовали квоты на разнообразие и инклюзивность, которым должна была соответствовать «Дуга-4»), я уже перестала слушать. Бескрайняя ночь космического пространства, — так не похожая на тьму океана, где даже в самых непостижимых, кажущихся негостеприимными глубинах мерцают признаки жизни, той жизни, которую можно увидеть и потрогать, — никогда особо меня не интересовала.

Когда Тэ наконец попал в программу, он ждал две недели, оставшихся до отправления в пустыню Аризоны, прежде чем сообщить новости.

— Ро, я должен тебе кое-что сказать, — проговорил он однажды вечером у себя дома, где мы ужинали зеленым карри.

Внутри меня все сжалось: за словами «я должен тебе кое-что сказать» никогда не следует ничего хорошего. Именно так Умма сообщила мне, что корабль Апы пропал без вести и что не было обнаружено никаких признаков ни его, ни остальной команды.

Поэтому я собралась с духом и смотрела, как остывает мой карри, пока он показывал мне подтверждение своего участия и билет на самолет, который они ему прислали, а также глянцевый приветственный пакет, присланный по почте, с золотым тиснением в виде логотипа «Дуги-4».

— Мне жаль, — выдавил он после того, как я не сумела придумать никакого ответа. Он снял очки и протер их, как делал всегда, когда нервничал. — Но я не могу отказаться от этого предложения.

